

Бегу по служебным делам по району, иногда – словно вихрь. Куда уж тут внимательно вглядываться в окружающие лица. Но профессия обязывает, вот и замечаю: на остановке сидит пожилой плохо одетый неопрятный человек. Сидит просто потому, что здесьлюдно и есть шанс получить какое-то подаяние в виде еды или нескольких «десяток». Присмотрелась – из моих «подопечных». Когда работаешь с людьми, за которых несёшь персональную ответственность, волей-неволей становишься для них не только должностным лицом, исполняющим свои обязанности, но и психологом, и помощником, и нравоучителем, считая главной задачей дать хоть какую-то мотивацию для изменения образа жизни ранее судимого лица. «Ну, уж никак я не могу исправить его жизненное положение», – думаю себе я, но так хочется...

Забираю его на рабочее место, текущие дела откладываю, отдаю свой завтрак, чашку, звоню, куда могу (администрация, социальные службы, центры реабилитации и адаптации и т.п.), чтобы определить общими усилиями в тепло хотя бы на зиму. Ведь жилье у него более чем скромное, не приспособленное к пришедшим холодам.

По прошествии пары часов – победа, веду определять для начала в местную больницу, а затем – в реабилитационный центр, где обещают помочь с лечением и восстановлением некоторых документов для получения группы инвалидности. «Веду» в прямом смысле слова – у него костыли. «Он чувствует боль», – думаю себе я. Да и смотрит взглядом с долей недоумения – это о нём, о нём так заботятся? Веду, предварительно деликатно предложив взять кружку, из которой он пил чай, с собой, ведь вдруг понадобится! При этом снова думаю: «Наверное, он понимает, что после него никто и не захочет пить из этой кружки, но только бы я его не обидела